

В. А. Латышева

К. Э. Гриневич как археолог *

Константин Эдуардович Гриневич, воспитанник Харьковского университета, а затем и его профессор, заведующий кафедрой древней истории и археологии, был специалистом широкого профиля. Историк-античник, археолог, искусствовед, музеевед — во всех этих областях он оставил заметный след. Многогранная деятельность К. Э. Гриневича нашла отражение в статьях [1, с. 187–189] и изданиях справочного характера [2, с. 1–24]. Вместе с тем, деятельность К. Э. Гриневича как археолога заслуживает, на наш взгляд, специального рассмотрения и оценки.

Интерес К. Э. Гриневича к археологии зародился еще в студенческие годы (1910–1915). В то время на университетских кафедрах археология являлась составной и неотъемлемой частью широкого классического образования, предполагавшего изучение античной истории, филологии, культуры, искусства. К. Э. Гриневич получил основательную подготовку в этой области — в начале на историко-филологическом факультете Харьковского университета под руководством таких крупных ученых, как В. П. Бузескул, Ф. И. Шмит, а затем в Петербургском университете, куда был направлен для подготовки к профессорскому званию у ведущих специалистов в области классической истории, филологии, археологии — С. А. Жебелева, М. И. Ростовцева, Б. В. Фармаковского. К этому времени относятся и первые опыты участия К. Э. Гриневича в археологических раскопках — в составе экспедиции Б. В. Фармаковского в Ольвии, а затем и на Боспоре.

С Боспором связаны первые самостоятельные археологические исследования К. Э. Гриневича, относящиеся к 1924 г. Они были начаты с широкомасштабного обследования всей территории Керченского полуострова [3, с. 47–52]. Свою задачу начинающий археолог видел в том, чтобы письменные свидетельства древних авторов сопоставить с реальными остатками древностей, «еще не стертymi временем». К. Э. Гриневич хорошо знает своих предшественников, с именами которых связаны первые попытки составления археологической карты Боспора: это П. Дюбрюкс [4], энергичный исследователь боспорских древностей, «исходивший с куском хлеба в кармане, пешком всю территорию Боспорского царства»; это и И. Бларамберг, 1-й директор Керченского музея, издавший на основе данных Дюбрюкса «Историко-археологическое описание Боспора» [5]. Однако с тех пор время изменило картину местности, выявились неясности в описаниях, требовались их уточнения, иными словами, археологическая топография Боспора нуждалась в дальнейшей разработке. Осознавая важность такого рода исследований, К. Э. Гриневич обошел пешком все побережье Керченского пролива как на европейской, так и на азиатской его стороне. Результаты обследования были опубликованы в 1927 г. [3, с. 47–52] с подробным описанием собственных наблюдений, состояния археологических памятников; высказываются предположения относительно локализации таких

*Редколлегия не может согласиться с некоторыми оценками деятельности К. Э. Гриневича автором статьи, но считает возможным опубликовать эту работу.

городов, как Порфмий, Парфений, Мирмекий, что в дальнейшем подтвердилось раскопками В. Ф. Гайдукевича и Е. Г. Кастанаян. Заслуживает, однако, сожаления, что публикация по топографии не была снабжена картой обследованного района или хотя бы схемой маршрута с обозначением обследованных памятников. Если остатки больших городищ были надежно связаны последующими раскопками с Порфмием, Парфением, Мирмекием, то отдельные курганы, на которые указывали местные жители, могли пропасть или открываться заново, как это нередко случается в археологии при отсутствии точной фиксации.

Особого упоминания заслуживает проявленный К. Э. Гриневичем интерес к остаткам оборонительных сооружений Боспора. В те же годы, в 1924–1925 гг., была обследована линия обороны (вал и ров) от Азовского моря на всем ее протяжении в южном направлении; составлена детальная карта всей линии обороны (хранится в Москве, в архиве Института археологии), а результаты этого обследования были доложены на I Всесоюзной конференции археологов, состоявшейся в 1926 г. в Керчи [6, с. 3] Однако полная публикация этих материалов отложена на 20 лет.

В связи с назначением в 1924 г. директором Херсонесского археологического музея К. Э. Гриневич переключается на херсонесскую тематику и в этой области работает с большой увлеченностью и самоотдачей. С 1926 г. он начинает раскопки Херсонеса. И здесь с самого начала отчетливо проявился стиль работы К. Э. Гриневича как археолога. Большое внимание он уделяет вопросам методики, выработке общего перспективного плана раскопок, определению их задач и целей. С перспективным планом раскопок Херсонеса К. Э. Гриневич выступил в 1927 г. на Всесоюзной археологической конференции, посвященной 100-летию раскопок Херсонеса [7, с. 283]. Проанализировав опыт многолетних исследований древнего городища [8], он увидел как положительные их результаты (открыта значительная территория древнего города, выявлено наличие оборонительной линии почти на всем ее протяжении), так и недостатки. Главный недостаток прошлых лет он видел в отсутствии системы. При этом в критике предшествующего дореволюционного опыта К. Э. Гриневич не допускал и тени огульного очернительства своих предшественников, ни малейшего намека на тенденциозно-скоординированную критику дореволюционных исследователей, которой, увы, будут грешить наши историографические обзоры. Константин Эдуардович был безусловно честен в своих оценках и таким оставался всегда и во всем. Отсутствие системы в работах К. К. Косцюшко-Валюжинича К. Э. Гриневич объяснял отсутствием необходимых для этого условий: работами монастыря и военного ведомства, расположенных на территории древнего городища. Положение меняется в советский период, с переходом земли и всех ее богатств в собственность государства. Будучи в это время директором Херсонесского музея, К. Э. Гриневич настойчиво проводит мысль о необходимости использовать эти условия для перехода к планомерным, систематическим и широкомасштабным раскопкам Херсонеса, предусматривающим вскрытие всей подряд территории города, раскопки ее большими площадями, а не отдельными, не связанными между собой раскопками, беспорядочно разбросанными по всей территории. К. Э. Гриневич определяет и необходимую с его точки зрения последовательность проведения раскопок Херсонеса. Отправной точкой, по его мнению, должен стать юго-восточный участок городища, от которого следует идти на север, а затем вскрывать западную часть, «почти не затронутую заступом археолога». Он не исключает

Профессор К. Э. Гриневич
(1891–1970)

отдельные отступления от этой последовательности в виду возможных обвалов северного берега, но необходимость планового движения подчеркивается им настоятельно и неоднократно.

Выбор юго-восточного участка в качестве отправной точки исследований Херсонеса был сделан не случайно: К. Э. Гриневич исходил из предположения, что это район первоначального заселения города, откуда начинался Херсонес. Для выяснения, так ли это было на самом деле, К. Э. Гриневич в 1926 г. и начинает раскопки городища в его юго-восточной части. Материалы раскопок были опубликованы очень оперативно и с исчерпывающей полнотой [9, с. 257–288]: не только отчет о раскопках, но и полевой дневник с наблюдениями автора, описи находок с их номерами и шифрами, чертежи (планы и разрезы), фотографии находок, а также важнейших моментов процесса раскопок. Все это при чтении создает полную и живую картину как самих исследований, так и их результатов. В отчете много внимания уделено организации процесса раскопок (продолжительность сезона, рабочего дня, общее количество людей, занятых в раскопках, их обязанности, общий объем выполненной работы), а также вопросам методики раскопок. При вскрытии культурного слоя и фиксации материала использовался послойно-квадратный метод, «единственно приемлемый, с точки зрения автора раскопок, при исследовании такого важного и сложного комплекса, каким является Херсонес».

Обращаясь к результатам, полученным в ходе раскопок 1926 г., следует отметить, что на участке было выявлено 4 хронологических слоя — от византийской эпохи X–XI вв. (монеты византийских императоров Василия II, Романа и Константина) до III в. до н. э. (фрагменты чернолаковой керамики с тусклым лаком плохого качества). Никакого материала ранее III в. до н. э. обнаружено не было. Таким образом, предположение о первоначальном заселении этого района и существовании здесь архаического Херсонеса как будто не подтверждалось раскопками 1926 г. Как же К. Э. Гриневич интерпретировал полученные результаты? По мнению автора раскопок, исследуемый участок использовался под жилую застройку не ранее III в. до н. э., а до этого на этом месте могла находиться большая ярмарочная площадь, вполне уместная вблизи гавани. В связи с полученными результатами К. Э. Гриневич обратил внимание исследователей на то, что при всей необходимости плановых исследований планировать результаты сложно, они не всегда предсказуемы, и эта истина должна лишь убеждать нас в необходимости раскопок: только материалы раскопок могут подтвердить или опровергнуть ожидаемые результаты.

И
с
т
о
р
и
я
а
р
х
е
о
л
о
г
и
В 1927 г. исследования были продолжены и на этот раз они увенчались открытием стены, которую К. Э. Гриневич датировал V в. до н. э. [10, с. 20–23]. Основанием для этой датировки послужили данные стратиграфии: обнаруженная стена была перекрыта стеной IV в. до н. э. и не совпадала с ней по направлению, т. е. относилась к более раннему строительному периоду, дата которого определялась находками большого числа краснофигурных и чернолаковых фрагментов с прекрасным лаковым покрытием. «В глубинных слоях земли попадались фрагменты ионийской керамики, а это возводит нас к поре оживленных сношений нашего юга с Милетом» [10, с. 23]. Опираясь на эти материалы, К. Э. Гриневич высказал свои соображения относительно времени возникновения Херсонеса, а также границ города в древнейший и последующий периоды.

Время возникновения херсонесского городища он относит к началу V в. до н. э., а может быть, и к более раннему времени. Кроме собственных материалов, он ссылается на находки Р. Х. Лепера (навкратийский кубок, многочисленные фрагменты ионийской керамики) и видит в них «неоспоримые доказательства древности заселения греками» территории херсонесского городища. Учитывая раннюю дату этих материалов, К. Э. Гриневич ставит под сомнение свидетельство Страбона о существовании более древнего Херсонеса в районе Маяка, откуда жители позднее якобы переселились на территорию нынешнего херсонесского городища. С обстоятельной аргументацией этого положения,

исключительно важного для понимания ранней истории Херсонеса, К. Э. Гриневич вернется в специальной статье, опубликованной в 1928 г., — «Страбоновский Херсонес в свете новейших археологических открытий» [11, с. 86–92].

Херсонесский период в деятельности К. Э. Гриневича позволяет сделать еще один важный вывод, характеризующий его как археолога. С самого начала исследователь был начисто лишен вещеведческого подхода к анализу археологического материала. Он видел в нем исторический источник и всегда, опираясь на археологический материал, стремился выйти на решение важных исторических проблем.

Для ранней истории Херсонеса такой проблемой является вопрос об обстоятельствах и ранней истории города. В литературе со времен А. Л. Бертье-Делагарда (1906 г.) получила распространение точка зрения о первоначальном основании Херсонеса на Маячном полуострове (район Казачьей бухты), откуда позднее жители переселились на традиционное для Херсонеса место — скалистый мыс между Карантинной и Песочной бухтами, где и находится большое городище — Херсонес. Это представление опирается на свидетельство Страбона [VII, 4, 2], из которого можно сделать вывод о существовании двух Херсонесов, при чем один из них Страбон называет древним и добавляет, что в его времена, т. е. на рубеже нашей эры, он лежал в развалинах.

К выяснению вопроса о двух Херсонесах, соотношении между ними и обратился К. Э. Гриневич, привлекая для этого материалы раскопок Н. М. Печенкина на Маячном полуострове (1910–1911 гг.), Р. Х. Лепера (1913–1915 гг.), а также собственные материалы, полученные при раскопках Херсонеса. Анализ всех этих данных позволил К. Э. Гриневичу сделать правильный вывод о том, что представление о двух Херсонесах не имеет достаточных оснований в археологическом материале. Херсонес никогда и нигде не переносился, он с самого начала был основан гераклеотами на своем традиционном месте, между Карантинной и Песочной бухтами, а ранее, в VI в. до н. э., здесь существовал ионийский эмпорий, что соответствует современным представлениям о проблеме возникновения Херсонеса.

К. Э. Гриневич правильно интерпретировал характер археологических памятников, открытых работами Н. М. Печенкина на Маячном полуострове, определяя их как комплекс хуторских хозяйств, финансовую и материальную основу «нового Херсонеса» или, говоря современным языком, это сельскохозяйственные усадьбы, возникшие как хора растущего полиса в период его расцвета, в IV в. до н. э., т. е. не ранее самого Херсонеса, а позднее его. Правильно определил К. Э. Гриневич и судьбу этих усадеб на Маячном полуострове: поскольку материала позднее II в. до н. э. здесь нет, К. Э. Гриневич сделал вывод о том, что район был razорен в ходе Митридатовых войн со скифами. Поэтому во времена Страбона, в I в. до н. э., он и лежал в развалинах, но эти развалины, как показали раскопки, не древнее Херсонеса.

Заслуга К. Э. Гриневича и в том, что он одним из первых увидел взаимосвязь между памятниками Херсонеса, Маячного и Гераклеяского полуостровов. Располагая ограниченными в то время материалами, он высказал относительно характера этих связей соображения, которые полностью подтвердились последующими раскопками в этих районах. О необходимости срочного исследования всех этих памятников К. Э. Гриневич говорит с начала своей деятельности в Херсонесе: «...мы не можем во весь рост понять Херсонес, если будем изучать его изолированно от Гераклеяского полуострова, частью которого он сам является» [7, с. 29]. А в резолюции, принятой конференцией в 1927 г., древности Гераклеяского полуострова определяются как «памятники мирового значения» [7, с. 62].

Неоднократно говорил К. Э. Гриневич и о необходимости продолжить раскопки на Маячном полуострове, а также провести обследование морского дна к западу от Маяка [11, с. 90–92]. Он приводит информацию начальника Лоции Черного моря, относящуюся ко времени поездки Александра III из Батуми в Севастополь. Водолазы, производившие тогда обследование морского дна на этом пути, сообщили, что в окрестностях

Херсонесского маяка они видели на дне остатки древнего города в виде улиц, развалин домов, древних храмов и пр. Заинтересованный этим сообщением, К. Э. Гриневич в 1927 г. с помощью металлической трубы длиной около 1 м, снабженной иллюминаторным стеклом, обследовал морское дно в окрестностях Херсонесского маяка и к западу от него увидел остатки каких-то кладок [12, с. 704–706; 13, с. 1–60]. Правда, более поздние специальные обследования морского дна показали, что «кладки» — это всего лишь естественные геологические образования.

Возвращаясь к К. Э. Гриневичу, отметим, что в херсонесский период своей деятельности он предстает перед нами как неутомимый в поисках исследователь, энергичный энтузиаст, откликавшийся на все новые в археологии идеи, подчас и рискованные.

Наиболее весомый вклад в развитие античной археологии К. Э. Гриневич внес в исследование оборонительных сооружений Херсонеса. В 1926–1927 гг. были опубликованы две части его капитального труда, посвященные фортификации Херсонеса на наиболее важном, юго-восточном участке обороны города [14; 15]. Ценность этого исследования определяется рядом моментов. В Херсонесе мы имеем лучшие по сохранности оборонительные сооружения античной эпохи для всего Северного Причерноморья. Это монументальный комплекс, включающий в себя стены, протянувшиеся более чем на 1200 м, многочисленные башни, ворота и пр. В работе дано обстоятельное описание всех звеньев обороны, анализ их с точки зрения техники строительства, системы кладки, хронологии.

Вопрос о времени возникновения и развития оборонительного комплекса Херсонеса К. Э. Гриневич поставил в прямую зависимость от жизни города, его возникновения и последующих этапов развития. Сооружение древнейшей стены он относит к V в. до н. э., основную линию греческого строительства датирует серединой–второй половиной IV в. до н. э., последующие этапы строительства он связывает с римским временем (эпохой императора Феодосия и его сына Аркадия) и стенами византийского времени. Таким образом, оборонительные сооружения Херсонеса рассматриваются как сложный, разновременный комплекс, результат многовекового развития самого Херсонеса.

Большую ценность рассматриваемого труда представляет и иллюстративная часть издания, выполненная на высоком профессиональном и полиграфическом уровне: это и подробный генеральный план юго-восточного участка херсонесского городища, отражающий состояние оборонительных сооружений на 1926 г., это и чертежи всех звеньев обороны, наконец, многочисленные фото 20-х и более ранних лет, запечатлевшие состояние оборонительной линии для своего времени. Ценность этих фотодокументов трудно переоценить.

Период плодотворных археологических исследований памятников античной эпохи в Северном Причерноморье был неожиданно прерван в 1932 г., когда К. Э. Гриневич был репрессирован. По сфабрикованному обвинению («за участие в спиритических сеансах, на которых вызывался дух штурмовика Рэма») он был выслан в Новосибирск, а в 1935 г. арестован и отправлен на 5 лет в Карагандинский лагерь.

К научной деятельности К. Э. Гриневич смог вернуться только после реабилитации в 1943 г. В 1944 г. он защитил в МГУ в качестве докторской диссертации обе части своего капитального труда «Стены Херсонеса». В этом проявилось признание больших заслуг К. Э. Гриневича в исследовании сложной и исключительно важной для истории Херсонеса темы, однако справедливая и заслуженная оценка пришла с большим опозданием.

Новый период в научной деятельности К. Э. Гриневича связан с Томским университетом, где он работал после реабилитации с 1944 по 1948 гг. Автор исследований оборонительных сооружений Херсонеса Таврического обращается к теме обороны Боспора Киммерийского, с чего начинал свои первые самостоятельные исследования в 20-е гг. Он опубликовал по этому поводу две статьи. В одной из них [16, с. 160–164] предприн

нята попытка воссоздать линию обороны Боспора, проследить вал и ров, идущие от Азовского моря на юг, выяснить все звенья этой оборонительной системы. Здесь же поставлен вопрос о времени сооружения вала и его назначении. Опираясь на результаты собственного обследования, К. Э. Гриневиц высказал ряд убедительных соображений относительно датировки этой линии обороны V в. до н. э. Вместе с тем, исследователь настаивал на необходимости дальнейшего археологического изучения вала с проведением необходимых разрезов, что позволит проверить, а может быть, и уточнить предложенную датировку. Таким образом, К. Э. Гриневиц давно осознал важность решения этой проблемы. Приходится, однако, сожалеть, что публикация с ее постановкой и обоснованием появилась лишь 20 лет спустя. Может быть, своевременная публикация ускорила бы решение проблемы, получившей разработку на диссертационном уровне лишь в 1981 г. [17], т. е. через 50 с лишним лет после обследования К. Э. Гриневица.

В другой статье [18, с. 57–88] рассматриваются оборонительные сооружения малых боспорских городов, а также вооружение боспорских воинов. Тема безусловно представляет интерес, но ее решение в данной статье скорее намечено. В распоряжении автора был ограниченный материал — результаты довоенных раскопок Тиритаки и Мирмекия, а также некоторые публикации дореволюционных раскопок некрополей, чего явно недостаточно для суждения о предмете исследования на конец 40-х гг. Кроме того, статья написана в русле традиционных для того времени методов использования археологических материалов — обращения к отдельным примерам, когда описательности, иллюстративности в использовании массового археологического материала превалирует над его анализом. Однако это был общий уровень археологических исследований того времени, который скоро приведет специалистов к поиску новых методов обработки массового археологического материала (статистических, математических, методов естественных наук и пр.). Однако Константин Эдуардович и позднее эти методы осваивать не будет. Он принадлежал иной эпохе, его научный потенциал — это эрудиция гуманитария, широта кругозора при интерпретации археологического материала, знание иностранных языков и литературы, старой по преимуществу, — и этот багаж оставался при нем всегда.

Тем не менее, томский период свидетельствует о том, что К. Э. Гриневиц не был выбит из колеи нормальной исследовательской работы, он смог снова вернуться к активной научной деятельности, в том числе и археологической. И здесь, как некогда в Херсонесе, он поднимает вопрос о необходимости планомерных и систематических исследований древностей Западной Сибири, убедительно обосновывая важность изучения истории и археологии этого края масштабностью вклада азиатского материка в общую сокровищницу мировой культуры. В качестве конкретного шага в этом направлении К. Э. Гриневиц берется за исследование археологических памятников в окрестностях Томска, в живописном урочище Басандайка.

В течение 1944–1946 гг. К. Э. Гриневиц возглавляет объединенную археологическую экспедицию, организованную на базе Томского университета и Томского пединститута. В составе экспедиции, кроме археологов, работали специалисты — антропологи, геологи, почвоведы. Результативность исследований проявилась, прежде всего, в оперативности обработки и публикации добытых в ходе раскопок материалов: три года активных раскопок (1944–1946) и через два года после этого, в 1948 г., выходит капитальный сборник «Басандайка» [19] с итогами работы экспедиции. Обращают на себя внимание фундаментальность, полнота и обстоятельность публикации: 40,5 печатных листов текста, полная чертежная документация (археологическая карта района, планы, разрезы), около 100 таблиц с иллюстрациями находок, очень емкие по содержанию статистические таблицы по всем категориям находок (кремь, керамика, металл и др.). Обстоятельность и полнота публикации выдержана в лучших традициях для такого рода изданий; здесь, очевидно, сказался опыт К. Э. Гриневица по изданию «Херсонесских сборников». Правда, полиграфия «Басандайки» не идет ни

в какое сравнение с первыми выпусками «Херсонесских сборников» — и бумага, и качество рисунков, фотографий — все это выполнено в стандартном для того времени полиграфическом формате.

Сборник «Басандайка» написан коллективом авторов, участников экспедиции, и по содержанию отражает комплексный характер исследований. К. Э. Гриневич как главный редактор сборника был автором предисловия, а также двух специальных статей. Одна из них была посвящена обзору археологических исследований в урочище «Басандайка» [20, с. 7–49], другая — анализу басандайской керамики [21, с. 127–137; 22, с. 139–147]. По поводу конкретных результатов автор отмечает отдельные следы неолитической культуры, однако основные открытые памятники принадлежали эпохе бронзы (керамика карасукского типа), а также ранним стадиям тагарской культуры. В абсолютных датах по С. В. Киселеву, это VII–IV вв. до н. э., т. е. эпоха поздней бронзы и раннего железа. Курганный могильник оказался поздним: наиболее ранние погребения датированы X–XII вв.

Итак, пять лет работы в Томске в творческой биографии К. Э. Гриневича — это период интенсивной деятельности в качестве руководителя археологической экспедиции, главного редактора по подготовке и изданию всех материалов экспедиции, автора ряда специальных статей.

Жизнь К. Э. Гриневича, как мы увидели, складывалась таким образом, что он не был и не мог быть исследователем одной темы, одной проблемы одной археологической культуры. Тем не менее, среди всего многообразия тем ведущей для него была античность, она проходит через всю нелегкую творческую судьбу этого исследователя.

Работая еще в Томске, после завершения раскопок в урочище Басандайка, летом 1946 г., будучи, очевидно, в отпуске, К. Э. Гриневич проводит обследование Ак-Мечетского городища или Калос Лимена античных авторов, который локализуется в районе современного поселка Черноморское в Северо-Западном Крыму. В публикации, посвященной результатам обследования [23, с. 155–161], автор дает краткую справку о городище по данным литературных и эпиграфических источников, а также материалам разведок Л. А. Мойсеева (1929 г.) и П. Н. Шульца (1933 г.), добавляет к ним собственные наблюдения о состоянии памятника на лето 1946 г. и делает вывод о необходимости раскопок Калос Лимена, говоря об этом как о первоочередной задаче. Жизненные обстоятельства, однако, не позволили К. Э. Гриневичу взяться за ее реализацию.

В 1948 г. по состоянию здоровья К. Э. Гриневич переехал на Кавказ, в Нальчик, и сразу же включился в работу по изучению памятников местной археологии. В 1949 г. он возглавил археологическую экспедицию, которая за один сезон обследовала 7 районов Кабарды, не подвергавшихся ранее изучению [24, с. 332]. Были открыты десятки (55) новых памятников материальной культуры [25, с. 207–210], важные для составления археологической карты Кабарды, среди них 26 поселений, пещеры со следами обитания первобытного человека, курганы, каменные ящики, менгиры. Время открытых памятников — от эпохи бронзы до средневековья; особенно значительные материалы были получены для позднего этапа кобанской культуры, доживающей здесь до раннескифской эпохи, VII в. до н. э. Все материалы были опубликованы, как всегда, очень оперативно, в 1951 г. [26, с. 125–139].

Последний период научной деятельности К. Э. Гриневича связан с Харьковским университетом, куда он был приглашен в 1953 г. в качестве заведующего кафедрой древней истории и археологии. На этом этапе Константин Эдуардович снова возвращается к античной тематике. Он пишет историографическую статью, посвященную достижениям советских археологов в исследовании античных городов Северного Причерноморья [27, с. 415–431]. В это же время он завершает публикацию главного труда всей своей жизни «Стены Херсонеса Таврического» изданием 3-й его части, посвященной характеристике южной и западной линий обороны города [28, с. 75–114]. Помимо обстоятельной ха-

рактеристики всех звеньев обороны на этом участке, автор снова обращается к вопросу о времени возникновения оборонительных сооружений Херсонеса, и на этот раз он с большей осторожностью говорит о V в. до н. э. как о времени возникновения древнейших стен Херсонеса: «Стены впервые опоясали город в конце V в., вернее около середины IV в. до н. э.» [28, с.114]. Еще раз к этому же вопросу К. Э. Гриневич обращается в приложении к рассматриваемому труду, где анализируется аттический краснофигурный сосуд (оксибаф) [29, с. 115–119]. Сосуд был найден в склепе у фундамента крепостной стены и убедительно датируется 2-й половиной V в. до н. э. Однако этот сосуд вряд ли может быть использован для датировки оборонительной стены, так как склеп, где он был найден, не связан непосредственно со стеной и скорее принадлежит некрополю, ранее располагавшемуся здесь. К. Э. Гриневич завершает статью выводом о том, что «строительных остатков времени основания города, т. е. конца V в. до н. э., не найдено», а относительно времени постройки крепостной стены Херсонеса называет 1-ю половину (ближе к середине) IV в. до н. э., т. е. дату, которая принята сейчас большинством исследователей.

Оценивая работу «Стены Херсонеса Таврического» в полном ее объеме, хочется привести слова Полибия, которые К. Э. Гриневич взял в качестве эпиграфа к 3-й части своего труда: «Я же считаю, что не следует ни пренебрегать показаниями этого историка, ни считать его непогрешимым; наоборот, читатели должны выводить свои суждения из самих фактов» [III, 9]. Здесь выражена позиция самого автора, его оценка собственного труда. К этому следует добавить, что фундаментальное исследование в 3-х частях, единственное в своем роде по богатству и объему фактического материала, сохраняет свое значение для всех, кто будет обращаться к теме оборонительных сооружений Херсонеса.

В 50-е гг. XX в., когда К. Э. Гриневич вернулся в Харьковский университет в качестве заведующего кафедрой, ему было более 60 лет. Опыт нелегкой жизни за плечами не прошел бесследно. Начать еще раз сначала и работать в археологии на уровне современных для того времени требований было выше физических сил и возможностей, отпущенных этому человеку природой. Чуда не произошло.

Работая в Харьковском университете, К. Э. Гриневич подводит итоги работам прошлых лет, он возвращается к тому, с чего начинал — к Ольвии. Он снова пытается ответить на вопрос, поставленный им в самом начале его научной деятельности: был ли Геродот в Ольвии? Суть проблемы состояла в том, что Геродот (V в. до н. э.) говорит об Ольвии как о большом и богатом городе, окруженном мощными стенами с башнями и воротами [IV, 78–79]. Между тем, раскопки Б. В. Фармаковского в Ольвии, в которых в 1915 г. принимал участие и К. Э. Гриневич, не подтвердили этой картины; стены, открытые в ходе раскопок, Б. В. Фармаковский датировал послегеродотовским временем, IV в. до н. э. Таким образом, информация Геродота об Ольвии не находила подтверждения в археологическом материале и давала повод для сомнений в вопросе о достоверности сведений «отца истории». Этими сомнениями и завершается одна из самых первых научных статей К. Э. Гриневича, опубликованная в 1915 г. [30, с. 161–208].

Между тем последующие исследования в Ольвии, раскопки А. Н. Карасева и Е. И. Леви [31], открывшие здесь Теменос и агору с великолепными сооружениями общественного назначения, дали значительный материал для реабилитации Геродота, однако вопрос о существовании оборонительных стен во времена Геродота продолжал оставаться открытым. Для его выяснения К. Э. Гриневич и предпринимает раскопки в Ольвии, организуя археологические экспедиции в 1954–1956 и 1960 гг. В ходе раскопочных сезонов была открыта крепостная стена (район Заячьей балки), которую К. Э. Гриневич датировал первой половиной V в. до н. э. [32, с. 76–77], однако достаточных оснований для этого приведено не было. Ссылка на слой, насыщенный керамическими находками конца VII–первой половины VI вв. до н. э. и подстилавший основание стены [33, с. 105–110], не может быть принята в каче-

стве точки отсчета, так как этот слой не связан непосредственно со стеной. Он принадлежит самому нижнему горизонту в жизни города, и в этом отношении вывод К. Э. Гриневича о конце VII—начале VI вв. до н. э. как дате основания Ольвии [34, с. 51—54] в полной мере согласуется с современными представлениями на эту проблему; что касается крепостных стен, то они, по мнению исследователей, возникают не ранее VI в. до н. э. [35, с. 36].

В заключение, подводя общий итог деятельности К. Э. Гриневича как археолога, следует отметить наиболее характерные ее черты.

К. Э. Гриневич проявлял живой интерес к памятникам древности всегда и везде, куда только ни забрасывала его нелегкая судьба: в Крыму, на Боспоре, в Сибири, в Кабарде — везде он направлял свою творческую энергию на поиск и исследование новых археологических памятников. Он оставался верен своему первоначальному выбору, который, очевидно, не был случайным, — археология была его призванием, образом жизни.

Несмотря на широту диапазона археологических исследований — и географическую, и хронологическую, — главной, ключевой темой для Константина Эдуардовича была античность. Она проходит сквозь всю творческую биографию этого ученого. С нее он начинал в 20-е годы, делая свой первый осознанный выбор, и в дальнейшем никогда не порывал с ней окончательно: работая в Томске и исследуя памятники Сибири, он публикует статьи об обороне Боспора Киммерийского; работая в Нальчике, он нашел время, для обследования античного поселения Калос Лимен в Северо-Западном Крыму. На заключительном этапе своего пути, работая в Харьковском университете, снова возвращается к античной археологии; он создает здесь это направление, которого до К. Э. Гриневича в Харьковском университете, по существу, не было. Наиболее значительный вклад К. Э. Гриневича в области античной археологии — это исследование оборонительных сооружений Херсонеса.

Для стиля работы К. Э. Гриневича как археолога характерны масштабность и широта замыслов; раскопкам всегда и везде предшествовали ширококомасштабные разведки. При этом исследователь никогда не замыкался на уровне вещеведческого поиска, раскопках ради вещей, пусть даже уникальных. Историзм в использовании археологического материала, постоянное стремление, опираясь на археологический материал, найти выход на решение исторических проблем — таков стиль К. Э. Гриневича-археолога. В самом решении поставленных проблем ему помогало прекрасное знание античных авторов, чтение их в оригинале, на таком же уровне он работал с эпиграфическими источниками, хорошо знал иностранную литературу. Наконец, следует отметить результативность археологических исследований К. Э. Гриневича: его раскопки, как правило, сочетались с публикацией полученных результатов. Автор около 150 научных работ [2, с. 12—21], он опубликовал практически все.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кадеев В. И.* К 75-летию К. Э. Гриневича // *СА.* — 1967. — № 4; *Археология.* — 1971. — № 3. Библиографию о К. Э. Гриневиче следует дополнить. *См.: Кадеев В. И.* 75-річчя К. Е. Гриневича // *УІЖ.* — 1966. — № 9. — С. 136—137; *Его же.* К. Э. Гриневич как ученый // *Вестник Харк. ун-та.* — 1992. — № 362: *История.* — Вып. 25. — С. 129—134. [Редколлегия]
2. *Константин Эдуардович Гриневич* — профессор Харьковского университета // *Биобиблиографический указатель* / Сост. Березинская Р. Г., Кадеев В. И. — Х., 1991.
3. *Гриневич К. Э.* Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова // *Изв. Таврич. общ-ва истории, археологии и этнографии.* — 1927. — Т. I (58).

4. *Дюбрюкс П.* Описание развалин и следов древних городов//ЗООИД. — 1858. — Т. 4.
5. *Блафамберг И.* Замечания на некоторые места древней географии Тавриды //ЗООИД. — 1848. — Т. 2.
6. *Гриневич К. Э.* Археологические раскопки в Керчи в 1920 г. и исследования вала в 1924 г.: Тез. докл./Бюл. конф. археологов СССР в Керчи. — Керчь, 1926. — № 4.
7. *Гриневич К. Э.* О плане дальнейшей научно-исследовательской работы Государственного Херсонесского музея //Вторая конф. археологов СССР в Херсонесе. — Севастополь, 1927.
8. *Гриневич К. Э.* Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927): Ист. очерк с экскурсионным планом/Гос. Херсонес. музей. — Севастополь, 1927.
9. *Гриневич К. Э.* Отчет о херсонесских раскопках 1926 г. в связи с раскопками 1907–1910 гг./ХС. — 1927. — Вып. 2.
10. *Гриневич К. Э.* Древнейшая оборонительная стена в Херсонесе, обнаруженная разведкой в 1927 г./Вторая конф. археологов в Херсонесе. — Севастополь, 1927.
11. *Гриневич К. Э.* Страбонский Херсонес в свете новейших археологических открытий//Изв. Таврич. общ-ва истории, археологии и этнографии. — 1928. — Т. 2 (59).
12. *Гриневич К. Э.* Город на дне моря//Хочу все знать. — 1930. — № 24.
13. *Гриневич К. Э.* Исследования подводного города близ Херсонесского маяка. — М., 1931.
14. *Гриневич К. Э.* Стены Херсонеса Таврического. Ч. 1//ХС. — 1926. — Вып. 1.
15. *Гриневич К. Э.* Стены Херсонеса Таврического. Ч. 2: Юго-Восточный участок //ХС. — 1927. — Вып. 2.
16. *Гриневич К. Э.* Оборона Боспора Киммерийского//ВДИ. — 1946. — № 2.
17. *Толстиков В. П.* Фортификация античного Боспора/Автореферат канд. дисс. — М., 1981.
18. *Гриневич К. Э.* Оборона Боспора Киммерийского на основании археологических материалов//Уч. зап. Томск. ун-та. — 1947. — № 7.
19. *Басандайка:* Сб. материалов и исследований по археологии Томской области//Тр. Томск. ун-та. — 1947. — Т. 98.
20. *Гриневич К. Э.* Археологическое исследование урочища Басандайка близ г. Томска, проведенное в 1944–1946 гг. объединенной экспедицией Томск. ун-та и Томск. пед. ин-та//Тр. Томск. ун-та. — 1947. — Т. 98.
21. *Гриневич К. Э.* Описание Басандайской керамики//Там же.
22. *Гриневич К. Э.* Опыт классификации и датировки Басандайской керамики//Там же.
23. *Гриневич К. Э.* Городище «Прекрасная гавань» в свете новейших данных//ВДИ. — 1949. — № 1.
24. *Гриневич К. Э.* Кабардинская археологическая экспедиция 1949 г./Уч. зап. Кабард. ин-та. — 1949. — Т. 5.
25. *Гриневич К. Э.* Кабардинский Гос. пед. ин-т//ВДИ. — 1950. — № 4.
26. *Гриневич К. Э.* Новые данные по археологии Кабарды//МИА СССР. — 1951. — № 23.
27. *Гриневич К. Э.* Досягнення радянських учених у дослідженні античних міст Північного Причорномор'я//Учен. зап. Харк. ун-ту. — 1957. — Т. 89: Тр. іст. фак. — Т. 6.
28. *Гриневич К. Э.* Стены Херсонеса Таврического. Ч. 3: Южная и западная линии обороны//ХС. — 1959. — Вып. 5.
29. *Гриневич К. Э.* Аттический краснофигурный оксибаф № 1517 из Херсонеса как датировочный термин для древнегреческой оборонительной стены//ХС. — 1959. — Вып. 5.
30. *Гриневич К. Э.* Четвертая книга Геродота и следы личного знакомства историка с Ольвией//Зап. Харьк. ун-та. — 1915. — Кн. 4.

31. *Ольвия*. — Т. 2. — К., 1958.
32. *Гриневиц К. Э.* Новые данные о стенах Ольвии V–IV вв. до н. э. // КСИА УССР. — 1957. — Вып. 7.
33. *Гриневиц К. Э.* О достоверности сведений Геродота об Ольвии // ВДИ. — 1964. — № 1.
34. *Гриневиц К. Э.* К вопросу об экономике архаической Ольвии: по материалам раскопок Харьковского университета 1960 г. // Античный город: Сб. ст. — М., 1963.
35. *Античные* государства Северного Причерноморья. — М., 1984.

